

Современная культура
10.11.59.

ДЕЯТЕЛИ литературы, театра, кино, музыки, скульптуры и живописи призваны поднять еще выше идейно-художественный уровень своего творчества, быть и впредь активными помощниками партии и государства в деле коммунистического воспитания трудящихся, в пропаганде принципов коммунистической морали, в развитии многонациональной социалистической культуры, в формировании хорошего эстетического вкуса», — сказал Н. С. Хрущев в своем докладе на XXI съезде КПСС. Какая величественная программа, какие грандиозные задачи встают перед нами, деятелями искусства! Каковы же пути решения этих задач? Прежде всего нам следует подумать, в какой мере успешно наше сценическое искусство отражает явления современной нам действительности. Отвечает ли оно ее требованиям, помогает ли решению кардинальных вопросов жизни. Затем — проблема мастерства, во многом еще не решенная нашими театрами.

Говорить о главном, о том, что определяет на сегодняшний день развитие советского театра, — значит говорить и о драматургии. О чем мы расскажем со сцены, кого мы покажем, какие взаимоотношения, какой круг интересов будет определять характеры людей, за что будем мы бороться своими спектаклями — все это решает прежде всего драматургия. Можно найти множество оправданий отставания нашей драматической литературы от жизни. Не формального отставания, так сказать, по срокам, оно неизбежно, ибо на претворение фактов, увиденных в действительности, в произведение сценического искусства обязательно уйдет несколько месяцев. Речь не об этом. Порой в торпливом стремлении поспевать за фактами, наша драматургия мельчит. Пьесы превращаются в белгие зарисовки из журналистского блокнота, точно передающие события, факты, но лишённые обобщений. Но ведь не только о фактах, а о людях нам надо рассказывать со сцены, о событиях, отражающих главное в движении истории нашего государства «из вчера в завтра».

Я очень люблю это выражение К. С. Станиславского, который пользовался им в качестве педагогического термина, мне же оно кажется необычайно объемным, многозначным и широко применимым. Каждый человек имеет свою биографию, свое «вчера», определяющее круг его интересов, намерений, его стремлений в завтра, так сказать, «размах крыльев», душевную масштабность, человеческую ценность. Это относится и к писателю, поэту, художнику. Глубина его корней во вчерашнем дне и мощь его проникновения в завтрашний определяют содержательность и силу его таланта.

Проникновению в жизнь, слиянию с ней учит нас, актеров и режиссеров, творческий метод Станиславского. Верно примененный, он в процессе работы над спектаклем разоблачает пьесу, если она фальшива, не талантлива, не глубока или помогает обогатить ее, раскрывая средствами театра подлинное жизненное содержание, заложенное в ней. Вот почему мне представляется, что тесная и глубокая дружба писателей и театров может помочь развитию нашей драматургии.

Мне уже приходилось рассказывать, как однажды поразила нас Станиславский. Театр в те дни принял к постановке одну из современных пьес, не помню точно — не то «Квадратуру круга» В. Катаева, не то «Страх» А. Афиногенова. С неверием шли артисты на первую репетицию. Что, мол, может рассказать о современном человеке Константин Сергеевич, замкнутый болезнью в тесных рамках своего Леонтьевского особняка, незнакомый с интересами, которыми живет советская молодежь?! Какими же взволнованными, какими «перевернутыми» выходили исполнители после репетиции! Станиславский проявил великодушное понимание нашей жизни, самого сокровенного и важного в ней. Умение понимать, постигать, расшифровывать смысл событий, разгадывать внутренний мир человека — вот что увидели мы на этой репетиции. Думается мне, эти качества (не говоря о профессиональных актерских) стремился воспитывать Станиславский своей творческой методикой, умножающей человеческое дарование, зоркость художника, его восприятие и понимание действительности.

Все мы, зрители и артисты, хотим искусства большой правды. Мы хотим, чтобы наш театр, а следовательно, прежде всего наша драматургия показывали советских людей во всем их величии, со всеми теми новыми человеческими качествами, которые глубочайшим образом отличают их от людей вчерашнего дня. Показывали их новую точку зрения на мир, их новые интересы, мысли, желания, намерения... Но ведь жизнь не только рождает новые понятия, она пересматривает старые: некоторые совсем отбрасывает, многим придает иное содержание. И каждого человека, образ которого мы хотим воплотить на сцене, мы должны ощущать в

круту близких ему новых или обновленных мыслей, образов и понятий.

Мы часто сетуем на то, что показанные на сцене советские люди духовно бедны. Да, мы не умеем еще рисовать широко, вольно и верно жизненные явления во всем их масштабе, раскрывать творческие процессы, определяющие эти человеческие характеры.

Новые духовные «миры» людей создают новые, интересные и взаимотношения, вызывают к жизни новые чувства, похожие и непохожие на то, что бывало раньше. Когда мы говорим: любит, ненавидит, хочет, стремится, отвергает, борется, трудится — это лишь словесная оболочка понятия. Понятия же, содержащиеся в этих словах для сегодняшних людей, резко отличаются от тех, которые вкладывали в них люди прошлых веков или вкладывает сейчас наш зарубежный идейный противник. Здесь, с моей точки зрения, огромная область для творческих раздумий художников, артистов, режиссеров и драматургов. И раздумья эти должны еще сблизить писателей и театры, стремящихся к решению единой проблемы.

Процесс сближения драматургов и театров должен протекать в свете решения величайших задач, диктуемых нам временем, задач, так четко сформулированных в решениях XXI съезда КПСС. Выполнение обязательств, которые берет на себя наше искусство, — быть воспитателем и вдохновителем народа, должно побудить нас к еще большей творческой близости.

Ведь и советские артисты вместе со зрителями не хотят довольствоваться мелкими, фальшивыми, недостоверными образами, которые им приходится порой играть. Их возмущает разрыв между тем, что они видят в окружающей жизни, и тем, что им преподносят в качестве материала для творчества. Почему драматурги не передают тот размах чувств и мыслей, который поражает нас в наших современниках, создающих спутники и космические ракеты, осуществляющих грандиозные, некогда казавшиеся фантастическими по масштабу и смелости планы, живущих увлеченно, смело, взволнованно... А мы вынуждены со сцены рассказывать о душевно элементарных кустарях-одиночках, о перестраховщиках или «сухарях».

Мне понятны трудности, с которыми сталкиваются наши драматурги. Может быть, их порой посещает боязнь искажения их мыслей при перенесении пьесы на сцену? Драматурги лишены возможности фиксировать в тексте интонации, подсказывать точнейшие акценты, которые определяют верную расстановку сил в спектакле. Театру предоставляется возможность многообразного толкования пьесы. Может быть, именно эта боязнь неверного прочтения иной раз и диктует упрощенность, в свою очередь приводящую к примитиву, а, следовательно, — к неправде?

Искусство имеет свои законы и свои задачи. Приведу несколько строк из статьи К. С. Станиславского:

«...Самую большую помощь в деле пропаганды эстетики в широких массах могут принести театры. Им даны самые богатые возможности, самые сильные средства для художественного воздействия на тысячи зрителей одновременно».

И далее: «Люди идут в театр для развлечения, но незаметно для себя выходят из него с разбуженными чувствами и мыслями, обогащенные познанием красивой жизни духа».

Ни на минуту не надо забывать, что искусство театра обязательно должно быть увлекательным. Работа творческих коллективов в новых условиях — без государственной дотации, я уверен, вернет театру способность привлекать зрителей, вовлекать и увлекать их в мир своих идей и образов. Раз театр будет рассчитывать только на самого себя, ему захочется шире использовать разнообразные, свойственные лишь ему средства воздействия на зрителей...

Хочу здесь затронуть еще одну существенную тему — тему целостности театрального искусства, тему обязательного для него единства. И в этой связи снова возвращаюсь к высказыванию Станиславского:

«Впечатления, получаемые в театре, неотразимы, потому что они создаются не одним только искусством актера, а почти всеми существующими искусствами, взятыми вместе; не одним человеком, а одновременно целой толпой участников спектакля».

Сила театра в том, что он коллективный художник, соединяющий в одно гармоническое целое творческую работу поэтов, артистов, режиссеров, музыкантов, танцоров, статистов, декораторов, электротехников, костюмеров и прочих деятелей сцены. Эта большая, сплоченная и хорошо воору-

О ГЛАВНОМ

женная армия воздействует одновременно, общим дружным натиском на целую толпу зрителей театра, заставляя биться сразу, в унисон, тысячи человеческих сердец».

А в наших спектаклях сплошь и рядом бывает так, что один исполнитель своей игрой нарушает целостность спектакля, а следовательно, и наш метод, и мощную силу целеустремленного искусства. Напомню удивительную формулу А. Н. Островского о слаженности труппы: «Труппа, чтобы разыграть изящное драматическое произведение сообразно его художественному достоинству, то есть чтобы докончить, воплотить данные автором характеры и положения, возратить опять в жизнь извлеченные автором из жизни идеалы, должна быть прежде всего слажена, сплочена, однородна».

Целостность и цельность театра начинаются с целостности труппы, способной в своем единстве проникать в жизнь, сливаться с ней, воздействовать на нее. Мы часто забываем о художественной дисциплине. А между тем, чем больше будут повышаться требования к искусству театра, тем более сплоченной и единой должна быть труппа, тем более высокой должна быть и дисциплина в театре. В этой связи растет и значимость в спектакле массовых сцен, участники которых должны быть не статистами, а артистами, и значимость каждой эпизодической роли...

Идейно-художественное, организационное, морально-этическое единство театра является необходимой предпосылкой к достижению целостности спектакля. Необходимо поднять дух коллективности в практике наших театров. Большую надежду я возлагаю на сознательность наших художников сцены.

Есть и еще ряд вопросов, которые мне хотелось бы затронуть. И прежде всего разобраться, как влияет на жизнь наших театров широкое развитие кино и телевидения. Мы знаем, что на Западе телевидение уже сегодня стало грозным конкурентом театра и кино. Да и у нас все чаще раздаются голоса, что телевидение неизбежно вытеснит и кино, и театр.

Я считаю, что это глубочайшая ошибка. Театр по своей природе является основой и первоисточником этих трех смежных искусств: здесь формируются актеры и рождается искусство режиссуры, то есть искусство создания целостной системы образов спектакля. Но главной отличительной чертой театра и его преимуществом являет-

ся возможность установления прямых, непосредственных творческих взаимоотношений

между сценой и зрительным залом. Телевизионный спектакль воспринимается, так сказать, в одиночку, в то время как собирающиеся в зрительном зале люди смотрят спектакль коллективно, объединяются талантливым исполнением. Это чрезвычайно существенно.

Как важно в борьбе за высокое искусство думать не только о качестве исполнения, но и о качестве восприятия, о культуре восприятия, о культуре зрительного зала. Это важная и интересная проблема, требующая мудрых организационных выводов.

В нашей стране все увеличивается число по-настоящему творческих театров, искусство которых зиждется на глубоком освоении реалистических традиций театров, являющихся подлинными лабораториями актерского и режиссерского творчества, накопивших интереснейший опыт совместной работы с драматургами. В таких театрах все чаще возникают и будут возникать новые формы сценических представлений, в которых будет сочетаться в синтетическом единстве искусство актера и режиссера, живописца и музыканта и, конечно, драматурга. Такие театры способны прокладывать пути к возникновению в нашей стране великого коммунистического искусства. И наша задача — искать новые пути развития этих творческих коллективов, искать смело, уверенно, целеустремленно — так, как нас учит Коммунистическая партия.

Ю. ЗАВАДСКИЙ,
народный артист СССР